

Алексей МАЛИНОВ

«НЕПОРЕШЕННЫЙ ВОПРОС»

Мы никогда не предполагали — ни в близком, ни в отдаленном будущем — вырывать, подобно пушкинскому пророку, ни у чехов, ни у других нерусских славян их грешные языки и влагать в их замерзшие уста столь же грешный язык русский.

В. И. Ламанский

Признание роли языка в формировании самобытной культуры и выработке самостоятельных основ цивилизационного развития можно считать «общим местом» современной исторической и социально-философской мысли. Однако очевидность влияния языка на цивилизацию стала достоянием науки относительно недавно — в последней трети XIX века. В России обоснованию культуросозидающей роли языка посвятили ряд сочинений представители позднего и академического славянофильства. Среди последних особо следует выделить академика Владимира Ивановича Ламанского (1833—1914).

Родился Владимир Иванович 26 июня (ст. ст.) 1833 года в семье директора Кредитной канцелярии Министерства финансов, а впоследствии сенатора Ивана Ивановича Ламанского (ок. 1790—1879) и Веры Ивановны (урожд. Малоземовой) (1800—1876). Отец происходил из бедной дворянской семьи, проживавшей совершенно по-крестьянски в деревне Ламаниха Вологодской губернии. В возрасте 8—10 лет вместе со страшим братом Ильей он пешком пришел в Петербург, поэтому впоследствии ни он сам, ни его дети не могли даже точно определить год его рождения. В автобиографических записках Владимир Иванович указывает различные даты рождения своего отца (1787, 1788, 1790, 1791). В семье Ламанских было двенадцать детей. В живых осталось девять братьев и одна сестра. Владимир Иванович был пятым ребенком. До 8—9 лет

Алексей Валерьевич Малинов родился в 1969 году в г. Бокситогорске Ленинградской области, окончил философский факультет Санкт-Петербургского государственного университета, профессор кафедры русской философии и культуры СПбГУ. Автор двадцати книг, в том числе: «Философские взгляды Григория Сковороды» (1998), «Предрасмертные прогулки» (2000), «Александр Лаппо-Данилевский: историк и философ» (2001), «Философия истории в России XVIII века» (2003), «К. Н. Бестужев-Рюмин: Очерк теоретико-исторических и философских взглядов» (2005), «Павел Гаврилович Виноградов: Социально-историческая и методологическая концепция» (2005), «Историко-философские этюды» (2007), «Теоретико-методологические искания в русской исторической и философской мысли второй половины XIX — начала XX века» (2009), «Владимир Иванович Герье» (2010), «Философия и идеология областничества» (2012), «История русской философии. XVIII век» (2012), «Русская философия: исследования, история, историография» (2013), «Очерки по философии истории в России. В 2 томах» (2013), «Философия и методология истории в России» (2015), «Социологическое наследие А. С. Лаппо-Данилевского: исследования и материалы» (2017).

он воспитывался дома, затем до 11 лет в частном пансионе госпожи Шлейстер, откуда перешел во второй класс Первой петербургской гимназии. С 1850-го по 1854 год Ламанский учился на историко-филологическом факультете Петербургского университета, избрав специализацию по славянским наречиям у И. И. Срезневского. Его кандидатское сочинение «Рассуждение о языке „Русской правды“» было удостоено серебряной медали. В 1855 году около десяти месяцев Ламанский прослужил в Санкт-Петербургском губернском правлении, откуда перешел на должность канцелярского чиновника в Публичную библиотеку, но из-за конфликта с директором библиотеки бароном М. А. Коршем в конце октября 1857 года оставил ее. Через год Ламанский поступил на службу в Государственный архив Министерства иностранных дел старшим архивариусом. Работа в библиотеке и архиве дали ему возможность собрать материалы для первого своего крупного исследования по истории славян «О славянах в Малой Азии, в Африке и в Испании», которое было удостоено Академией наук половинной Демидовской премии и опубликовано отдельным изданием в 1859 году, а 31 января 1860 года в качестве магистерской диссертации защищено в Петербургском университете. Это позволило Ламанскому хлопотать заграничную командировку для продолжения занятий славянской филологией и историей, продолжавшейся два с половиной года (1862–1864). Молодой ученый побывал в славянских землях Пруссии, Саксонии, Австро-Венгрии, а также в Италии, Греции, Турции, на Балканах. Впоследствии он еще несколько раз посещал славянские земли для продолжения научных изысканий (1868–1869, 1884, 1886). Особенно плодотворной была вторая поездка Ламанского. Больше года он проработал в венецианских архивах, опубликовав в 1884 году значительную часть скопированных материалов в издании «Государственные секреты Венеции».

С весны 1865 года в должности доцента Ламанский начал преподавать в Петербургском университете. Уже во вступительной лекции он прямо заявлял о своей принадлежности к славянофильскому движению. Основные курсы Ламанского были посвящены истории славянских народов и славянской филологии. Заметным научным явлением стал цикл его статей «Непорешенный вопрос», который И. И. Срезневский советовал представить в историко-филологический факультет в качестве докторской диссертации. В 1870 году в журнале «Заря» Ламанский опубликовал цикл статей под общим заглавием «Об историческом изучении греко-славянского мира в Европе», который в следующем году вышел отдельным изданием и тогда же (21 февраля 1871 года) был защищен в качестве докторской диссертации. 12 апреля 1871 года Ламанский был утвержден экстраординарным, а 5 марта 1873 года — ординарным профессором по кафедре славянской филологии. В 1883–1885 годах он был деканом историко-филологического факультета. В 1899 году Ламанский оставил преподавание в университете, а в начале 1900 года был избран ординарным академиком по отделению русского языка и словесности.

Помимо Петербургского университета Ламанский преподавал в Петербургской духовной академии (1872–1897) и Академии генерального штаба (1890–1900). С 1854 года он сотрудничал с Императорским Русским географическим обществом, сначала в качестве секретаря отделения этнографии, а затем был председателем этого отделения (1865–1868, 1887–1910), принимал самое активное участие в деятельности Петербургского славянского благотворительного комитета с его основания (1868), был его председателем (1879–1880) и редактором «Известий» общества (1887–1888). С 1880 года возглавлял Историко-филологическое общество при Петербургском университете, основал и редактировал этнографический журнал «Живая старина» (1890–1912), был одним из организаторов Этнографического музея.

Ламанский был крупнейшим отечественным филологом-славистом, поэтому его обращение к языку было вовсе не случайным. Более того, Ламанский принадлежал к то-

му роду ученых, которые стараются изучать свой предмет с максимально широких позиций: истории, географии и даже политики. Ламанский был не столько узким специалистом, сколько мыслителем, стремящимся к широким обобщениям. Это позволило ему, опираясь на свои познания в славянской филологии и географии, разработать оригинальную цивилизационную концепцию. Согласно учению Ламанского, цивилизационный мир распадается на три части: романо-германский, или европейский, мир, продолжением которого является Северная Америка; собственно Азия и греко-славянский, или средний, мир. Определяющими для такого членения были географические, природно-климатические различия, которые во многом формировали социально-политическое устройство, хозяйственно-экономическую деятельность, психологический тип населения и его культуру.

В то же время Ламанский был одним из организаторов этнографических исследований в России. На протяжении многих лет он возглавлял этнографический отдел Русского географического общества, издавал журнал «Живая старина». По проекту Ламанского был основан Этнографический музей. Еще в 1860 году свою обязанность в этнографическом отделе он видел следующим образом: «Определение, классификация человеческих племен по их физическим, лингвистическим и психическим, религиозно-бытовым [признакам. — А. М.] и описание человеческих племен и народностей в трех этих отношениях»¹.

«Глубочайшее проявление народного духа, язык сам в свою очередь имеет сильное влияние на склад народного ума и развитие народных понятий», — указывал Ламанский в своей докторской диссертации. Это влияние в исторической перспективе проявляется в первую очередь в формировании как нации, так и государства.

Развитие и распространение языка и вырастающей на его основе литературы — первый указатель на цивилизационные достижения и в других сферах жизни. «Нигде промышленность и торговля не стоит высоко без высших знаний, без теории и науки, — отмечал Ламанский, — а они не делают успехов в тех странах, где общество слабо проникнуто уважением к самостоятельным, строго научным трудам или мало заботится о процветании отечественной литературы и распространения родного языка»². К таким странам ученый относил и Россию. Согласно славянофильским сетованиям Ламанского, «дух официальности мертвит наше общественное движение, что разрыв и разладица старших и младших поколений, сея в семьях недоумения и несогласия, колеблют и шатают все общество, а его равнодушие и неуважение к родному слову воспитывает дряблые поколения без твердых основных убеждений, без всякого чувства народности и народного самопознания, без всякой мысли о великом призвании русского народа»³.

Воспитательная роль языка не сводится только к патриотическим внушениям. Язык выступает одним из обязательных условий формирования нации, а уровень его развития служит одним из оснований для отделения исторических народов от пасынков цивилизации. «История имеет дело с одними избранными, — провозглашал Ламанский. — Она нарушает это естественное равенство, возвышая и выделяя некоторые народы и языки в ряду прочих, которых затирает, давая им скромно прозябать или совершенно их заглушая. Так в человечестве возвышаются и выделяются народы исторические, великие национальности, создающие большие мировые державы и богатые литературы и образованности. Самостоятельная государственность и выработанный литературный язык — вот два необходимых признака великой исторической национальности. Если первая представляет собою вещественную силу и внешнее единство, то второй

¹ СПбФ АРАН. Ф. 35. Оп. 3. Ед. хр. 46. Л. 2.

² Ламанский В. И. Столетняя память Михаилу Васильевичу Ломоносову. 4 апреля 1865. СПб., 1865. С. 41.

³ Там же. С. 42.

служит знаменем его единства внутреннего, залогом и скрепою его нравственных сил, главным рычагом его влияния на другие народы. Образование сильных государств и их содержание не обходится народам без тяжких пожертвований, затрат и лишений. Они оправдываются лишь высотой и величием идеи, во имя которой приносятся»⁴. Конечно, с научной точки зрения или, по словам Ламанского, «на взгляд антрополога и лингвиста», все народности и языки равно интересны, равно ценны и достойны изучения. Не то с историософской точки зрения, обобщающая позиция которой позволяет не только сепарировать исторические народы от неисторических, но и демонстрировать, при каких условиях народность перерастает в нацию. К таким условиям Ламанский относил в первую очередь государственную независимость и развитую литературу, то есть письменный язык, плодovitость которого соответствует потребностям общества и поддерживается постоянным спросом образованной публики. «Различие это условное, — замечал Ламанский в одном из лекционных курсов. — Нация выше народности; не все народности могут называться нациями, как не всякое наречие может быть культурным языком. Между ними есть существенные различия с исторической и культурной точки зрения. (Но все народы с антропологической точки зрения и все языки с исторической — представляют совершенно одинаковый интерес.) С исторической точки зрения только те народы имеют право носить название нации, которые представляют из себя самостоятельное политическое тело и обладают развитой литературой»⁵. Для правильного понимания взглядов Ламанского необходимо иметь в виду, что нация ценна не сама по себе, а как носитель самобытной культуры или цивилизации. Переход от народности к нации означает движение от племенной обособленной культуры к более плодотворной в творческом отношении цивилизации, которая, как правило, принимает форму крупного и сильного государственного образования. Цивилизация и нация, в отличие от народности и племенной культуры, означают большую творческую мощь и политическую силу, государственное могущество, воля которого должна проявляться не в насилии и экстенсиве власти, а в культурном созидании.

Здесь Ламанский отходит от славянофильского принципа: один народ — одно государство. Множество небольших государств дает лишь множество малых, слабо развитых культур. Сильная в творческом отношении культура является достоянием большого государства, объединяющего разнообразные народы и территории в одно политическое тело. «Впрочем, — рассуждал Ламанский, — доставление независимого материального положения каждой личности должно быть необходимою целью всех христианских образованных обществ. Политическая же независимость всех отдельных племен и народов никогда не была и по счастью не будет такою общею необходимостью. Для множества человеческих племен и народов она была и навсегда останется излишнею роскошью, без которой и они сами и человечество легко могут обойтись. Государственная самобытность и мощь, как достояние немногих избранных племен и народов, есть великое орудие цивилизации. Но если б можно было вообразить себе эту государственную самобытность уделом всех разнообразных племен и народов, то мы имели бы в ней один из величайших тормозов цивилизации. Невозможность совпадения государственных пределов с этнографическими всего лучше обличает тесную внутреннюю связь и зависимость самобытного государства от своеобразной культуры. Без более или менее обширной территории, без разнообразия племенных стихий, без исключительного предпочтения одного языка перед иноплеменными, одного наречия перед род-

⁴ Ламанский В. И. Видные деятели западнославянской образованности в XV, XVI и XVII веках. Историко-литературные и культурные очерки // Славянский сборник. СПб., 1875. С. 417–418.

⁵ Ламанский В. И. Лекции по славянским наречиям, читанные профессором С.-Петербургского университета В. И. Ламанским за 1880–81 акад. год. [СПб.,] б. г. С. 23–24.

ственными, внутри данной территории, никогда бы не могла развиваться ни одна из великих исторически известных национальностей»⁶.

Не рассматривая подробно Азию, Ламанский основное внимание уделял сравнению греко-славянского мира с романо-германским. Сходство или, по словам Ламанского, «аналогия» этих двух миров «проявляется особенно в том, что в каждом из них один из важнейших этнологических и культурных элементов принадлежит к народам классической древности»⁷. Однако «разница в проводниках цивилизации»⁸ привела к тому, что на западе латинский язык получил широкое распространение, в то время как на востоке Европы вместо греческого широкое хождение получил древнеславянский письменный язык, а также различные диалекты славянского языка. Отношение славян к грекам имело совершенно иной характер, нежели отношение германцев к романцам. Во многом это объясняется различным численным соотношением славян и греков, а также тем, что у греков не было «государственного смысла». «Эта малочисленность греков, — замечает Ламанский, — нисколько не отнимает у них права на очень видное, почетное место в истории Среднего мира»⁹. Преобладание славян привело к тому, что греки не смогли привить свой язык другим народам. Более того, греки в значительной степени вобрали в себя славянскую стихию и в результате такого ославянивания на исходе средних веков сами в широкой массе перешли в быту на славянский язык. В то же время греки признавали права народных языков. Все это имело далеко идущие исторические и культурные последствия. Господство латинского языка в школах в Западной Европе способствовало лучшему знакомству германцев с римско-христианской и классической римской литературой, а вместе с этим и большему развитию образованности. Иная ситуация сложилась на востоке Европы. Сербь и болгары получили христианство от греков, русские славяне — от болгар. В результате славянская письменность была по преимуществу подражательной. Знакомство с классической литературой шло только через немногочисленные переводы, и, как следствие, на христианском востоке образованность получила меньшее развитие.

Влияние греков имело характер не столько политический, сколько культурный. Их пример хорошо показывает, что распространение цивилизации не всегда идет одними политическими средствами. То, что греки не смогли привить свой язык народам, входящим в орбиту их культурного влияния, конечно, негативно сказалось на состоянии образованности просвещения этих народов и, вероятно, на политической судьбе самих греков. И это должно послужить уроком их историческим наследникам. «Распространение языка известного народа вне пределов его отечества не находится ли в тесной связи с распространением умственного влияния этого народа на те страны, в которых принимается этот язык?» — риторически вопрошал Ламанский¹⁰. При этом стоит желать, чтобы такое общение было взаимным. Оно ведет к взаимному обогащению культур. Поэтому изучение языка, истории и культуры других народов объективно способствует сближению народов. Распространение языка и обоюдное приобщение к культурным достижениям стирает границы между народами, способствует взаимному пониманию и уважению народов. В силу этого славянофильские призывы к изучению литературы, языка и культуры других славянских племен не преследуют обособления славян и не только укрепляют их взаимное общение, но и сближают рус-

⁶ Ламанский В. И. Видные деятели западнославянской образованности. С. 417.

⁷ Ламанский В. И. Три мира Азийско-Европейского материка. СПб., 1892. С. 51.

⁸ Ламанский В. И. Лекции по славянским наречиям. С. 39.

⁹ Ламанский В. И. Три мира Азийско-Европейского материка. С. 53.

¹⁰ Ламанский В. И. Исторические замечания к сочинению «О славянах в Малой Азии, в Африке и в Испании» // Ламанский В. И. О славянах в Малой Азии, в Африке и в Испании. СПб., 1859. С. 120.

ских с Европой. По словам Ламанского, «умственное и литературное наше общение с народами единокровными и изучение их истории, языков и литератур не удаляет нас от Европы, а только еще более притом разумно сближает и смыкает с нею»¹¹. Гуманистическая основа этих рассуждений ученого очевидна.

Однако на деле мы видим часто совсем другое. Изучение славянских языков и литератур в России, интеллектуальное и литературное общение с миром славянским, с горечью замечает Ламанский, «в глазах большинства образованных русских людей ныне представляется как бы делом пустым, ничтожным и не стоящим почти никакого внимания»¹². Между тем, уверен историк, славянская взаимность существует искони. Гарантом такой взаимности, порождающей иллюзию панславизма, выступает близость языков. Ламанский убежден в этом с очевидностью «положения незыблемого, что славяне всегда и во все времена сознавали единство своего общего происхождения, а потому и через то самое чувствовали друг к другу взаимное притяжение, которое поддерживалось у всех сходством языка, ослаблялось у одних вероисповедною борьбою, скреплялось и освящалось у других единоверием»¹³.

Принятие славянами христианства на родном языке повышало статус народного языка, превращало его в «язык культурный и дипломатический», способствовало лучшему усвоению народом идеалов христианства. Распространение же латинского языка в качестве богослужебного на Западе хотя и содействовало развитию образованности у высших слоев общества, но препятствовало усвоению христианства в народных массах.

К сожалению, исторические обстоятельства в значительной мере нивелировали то цивилизационное преимущество, которое дало славянам принятие христианства на родном языке. Благодаря просветительской деятельности свв. Кирилла и Мефодия у славян появился общий письменный язык. «Они создают славянам письменность. Они вступают в открытую борьбу с представителями латинства и германства за права славянского языка на культурное развитие, одинакие с языками греческим и латинским. И до новейшего времени и часто от лица лучших своих представителей романо-германский запад не перестает отрицать эти права у славянства, признавая его полезным в истории элементом лишь в качестве дрожжей романо-германской образованности, присвоая ему одну служебную роль в человечестве»¹⁴. «Наш древнеславянский язык, — пояснял Ламанский в статье „Непорешенный вопрос“, — был первою попыткою славянского народного гения создать самостоятельную образованность с ее особым органом. Это был один из первых видов проявления внутренней потребности славянского мира в одном общем или всеславянском языке; тут сказалось стремление народного духа к самосознанию, цельности и единству»¹⁵. Древнеславянский язык вместе с византийским наследием принадлежит, таким образом, к основам культурной традиции славянства. Прежде всего это имеет значение для России. «Для нас, русских, — уточнял Ламанский, — и для большинства славян, древнеславянский язык и письменность, византийская или греко-христианская образованность, греко-римское право составляют такое же главное образовательное орудие»¹⁶. Верность этим началам

¹¹ Там же. С. 122.

¹² Ламанский В. И. О славянах в Малой Азии, в Африке и в Испании. СПб., 1859. С. 191.

¹³ Там же. С. 220.

¹⁴ Ламанский В. И. Видные деятели западнославянской образованности. С. 455.

¹⁵ Ламанский В. И. Непорешенный вопрос. Статья I. Об историческом образовании славянского и русского языка // Журнал Министерства народного просвещения. 1869. Ч. CXLI. С. 132.

¹⁶ Ламанский В. И. Чтения о славянской истории в Императорском С.-Петербургском университете. Часть I. Изучение славянства и русское народное самосознание // Журнал Министерства народного просвещения. 1867. Ч. CXXXIII. С. 136.

во многом способствовала переходу от племенного существования к национально-государственному.

Формирование единого письменного языка необходимо для исторического и культурного развития народа, имеет свои особенности или, если допустить такое выражение, закономерность. «Сверх того, — рассуждал по этому поводу Ламанский, — всякий письменный язык, чем он древнее и богаче памятниками словесности, чем он образованнее и культурнее, тем более удаляется от собственно народного языка, который в свою очередь отличается тем большим диалектическим [так в тексте, должно быть — диалектным. — А. М.] разнообразием, чем народ сильнее и богаче историей, и следовательно, чем разнообразнее его этнографический состав, чем более он поглотил или поглощает чужеземных стихий, чем обширнее его государственная область. В этом смысле всякий письменный язык есть язык искусственный и смешанный из нескольких говоров, поднаречий и наречий. Недостатки такой искусственности исправляются развитием грамотности в народе, быстрыми путями сообщений, гласностью судов, общим государственным значением языка, возрастанием больших городов, средоточий народной образованности, и национально-политическим развитием купечества. Стирая таким образом диалектические [диалектные. — А. М.] неровности живой народной речи, письменный национальный язык приближает ее к себе и сам с нею сближается, черпая ее богатства и вдохновляясь ее творческою непосредственностью»¹⁷. «В этом же приблизительно смысле, — пояснял Ламанский, — и древнецерковный язык славянский не есть собственно известное народное наречие, а язык искусственный и смешанный»¹⁸.

Многие народы долгой исторической борьбой и культурным трудом вырабатывают общий письменный язык. У славян же единый письменный язык появился, можно сказать, на заре их исторического существования. Однако впоследствии это единство было утрачено. Наибольшее различие «в степени и духе образованности между западным и восточным славянством», полагал Ламанский, было достигнуто в XV—XVI веках. Итогом такого культурно-исторического раскола стала не только утрата единого научного и дипломатического языка, но и государственности у большинства славянских народов. По мысли же Ламанского, политическая независимость и единый письменный язык являются важнейшими условиями формирования нации. «В самом деле корень бессилия и ничтожества славян, — писал историк, — заключается в том, что они, принадлежа к всемирно-историческому племени, одушевлены и проникнуты честолюбием всемирно-исторических народов, но в то же время лишены двух необходимых условий, без которых ни одна народность не может иметь всемирно-исторического значения и не заслуживает названия исторической национальности, ибо между понятием *народности* и *нации* есть существенное различие... Не всякая народность есть и может быть нацией. ...Ибо народы бывают нациями только при двух условиях — богатой литературе и при независимом государственном бытии»¹⁹. Большинство славянских народов не смогли стать нациями. Они либо утратили, либо оказались не в силах создать самостоятельные государства. Отказ от общего письменного древнеславянского языка привел к тому, что славянские народы в одиночку не смогли утвердить свою государственность. С культурно-исторической точки зрения потеря политической независимости и утрата единого письменного языка есть шаг назад в развитии. Если же славяне сохранили свои культурно-исторические притязания, то они должны вернуться к вопросу о едином славянском языке.

¹⁷ Ламанский В. И. Непорешенный вопрос. Статья I. С. 126—127.

¹⁸ Там же. С. 127.

¹⁹ Ламанский В. И. Из записок о славянских землях. Сербия и южнославянские провинции Австрии // Отечественные записки. 1864. Т. 152. С. 680.

Борьба за общеславянский литературный, научный и дипломатический язык была, можно сказать, заветной мыслью и главной заботой Ламанского и как ученого, и как общественного деятеля на протяжении всей его творческой жизни. Единый язык — необходимое условие цивилизационного существования и самобытного развития всякого народа. История сама, во избежание крайностей дробления языков и их обособления, приводит к доминированию одного наречия. Такой процесс лингвогенеза представлялся Ламанскому следующим образом: «В отношении языка человеческий род отличается величайшим разнообразием, которое с течением времени не уменьшается, а увеличивается в огромных размерах. Без противодействия этому стремлению языков удаляться от своего первоначального вида, разнообразиться на множество различных наречий, поднаречий и говоров, человечество навсегда было бы обречено на застой, взаимную вражду и полное подчинение самым грубым и мелочным интересам. Для противодействия этому разрушительному естественному анализу история человечества вызвала *игемонию*, искусственное предпочтение известных наречий, так сказать, создала особую аристократию между языками. ...*Игемония* известных языков или наречий есть великое благо истории, непрременное условие и первое требование прогресса, ибо без этой спасительной игемонии человечество дошло бы до того, что на всем земном шаре каждая группа, в несколько сот тысяч душ, имела бы свой особенный язык, и не понимала бы другой, ей соседней, группы. Если бы все языки, наречия, поднаречия и говоры пользовались автономиею и равноправностью, то не было бы науки, образованности»²⁰.

Когда же одно из наречий берет на себя роль общего письменного языка, а значит литературного и научного языка, оно по мере обогащения и роста национальной литературы постепенно отдаляется от народного, разговорного языка. «Но такова уж судьба, таков исторический закон, — замечает Ламанский, — что всякий письменный, литературный язык, чем он древнее и богаче памятниками словесности, чем он больше развивается и культивируется, хотя, при своем развитии он и должен черпать себе слова из народных стихий и из разных говоров, тем он более удаляется от собственно народного языка, от народных говоров»²¹. Исторический закон, управляющий становлением литературного языка, быстро перерастает в закон достижения политического успеха и культурного процветания. «В человечестве же есть закон, — развивал свою мысль Ламанский, — по которому племена, не отказавшиеся от узких племенных притязаний, по коим *каждый род живет и владеет особо*, всегда подчиняются племенам (особенно если они арийского семейства), разорвавшими оковы племенного патриотизма, сознавшим потребность общего литературного языка и избравшим в основание для него одно из своих местных наречий»²². Законы, о которых говорит здесь Ламанский, конечно, не объясняют процесс литературного развития или государственного становления. Указывая на закономерность, историк стремится лишь подчеркнуть объективность и взаимосвязь этих процессов. Поясняя свою позицию, он писал: «У всех народов то племя, которого наречие достигает игемонии, первенства и преобладания, всегда бывает по преимуществу хранителем и носителем силы центростремительной, начала единения и общения»²³.

Мысль о едином литературном языке для славян высказывалась неоднократно. В XVII веке ее проповедовал Юрий Крижанич, затем с конца XVII столетия и вплоть до

²⁰ Ламанский В. И. Национальности итальянская и славянская в политическом и литературном отношениях. СПб., 1865. С. 17–18.

²¹ Ламанский В. И. Лекции по славянским наречиям. С. 58.

²² Ламанский В. И. Столетняя память Михаилу Васильевичу Ломоносову. С. 33.

²³ Ламанский В. И. Национальности итальянская и славянская в политическом и литературном отношениях. С. 26.

XIX века эту идею поддерживали многие славянские писатели (Бан, Юнгман, Шафарик, Кузмани, Колар и др.)²⁴. Эта мысль не случайно родилась у западных славян, «к ней пришло западное славянство путем всей своей исторической жизни»²⁵. За основу такого общего языка предлагали взять церковнославянский язык, или специально создать искусственный язык, или даже признать в качестве общего литературного языка славян русский язык. Ламанский замечает, что мысль о едином языке для славян, по крайней мере православных, мелькала у М. В. Ломоносова. «Впрочем, — уточнял историк, — мысль об общем литературном языке, если не для всех, то для разных славянских народов, не раз возникала в различных землях славянских. В XV, XVI веке чешский язык был распространен не только в Польше, но и в Литве, а писатель польский, Лука Гурницкий, горько жаловался на предпочтение, которое отдают поляки языку чешскому перед своим отеческим. В XVI и XVII веке с необыкновенною силою распространяется польский язык в Малой и Белой Руси и Литве. Но с упадком западных славянских государств и с усилением политического могущества России, еще в XVII веке возникает мысль, что русский язык станет со временем общеславянским литературным языком. В северной Руси первый стал проповедовать эту мысль южный славянин, серб, католик Крижанич, а в южной Руси проводили эту мысль сами малороссияне»²⁶.

Из попыток языкового объединения славян в XIX веке заслуживает внимания иллирийская теория Гая, согласно которой все южные славяне (хорваты, сербы, славонцы, далматинцы, словенцы, болгары) должны принять одно общее имя — иллиры, а их общим дипломатическим и литературным языком должен стать сербо-хорватский. Попутно Гай развивал учение о миссии империи Габсбургов на славянском юге, призывая присоединить к ней Боснию, Герцеговину и другие южнославянские земли. «Но главная заслуга Гая, — подытоживал Ламанский, — состояла в том, что он за письменный хорватский язык принял язык сербский»²⁷. Теория Гая, однако, имеет частный характер и страдает тем же партикуляризмом, от которого так много претерпели в своей истории славяне.

Причины культурного отставания славян от других европейских народов и их политическое ничтожество Ламанский склонен был объяснять тем же отсутствием общего письменного языка. «Один беглый взгляд, брошенный на целое славянское племя в совокупности, — с горечью замечал он, — открывает ту юность, незрелость и даже отсталость, которыми оно отличается от родственных и соседних ему племен немецкого и романского. ...Проникая глубже в это резкое современное отличие славян от итальянцев и немцев, наблюдатель заметит, что оно главнейшее состоит в том, что славяне не имеют, подобно последним, своей общей оригинальной образованности, лишены того органа или орудия, без которого не может существовать никакое народное просвещение. Иными словами, у итальянцев и немцев есть общий литературный язык, а у славян его нет»²⁸. Политические несчастья славян являются следствием той же литературной обособленности, которая тормозит их культурное развитие. «Мы видим, — продолжал свою мысль Ламанский, — что нынешнее служебное положение и духовное подчинение саксонских, прусских, австрийских и турецких славян другим племенам очень мало или вовсе не зависит (о турках не говорим) от каких-нибудь внешних политических обстоятельств, а главнейшее и даже единственно проистекает от этой

²⁴ Ламанский В. И. Лекции по славянским наречиям. С. 49–53.

²⁵ Там же. С. 54.

²⁶ Ламанский В. И. Михаил Васильевич Ломоносов. Биографический очерк. Первые четыре главы. СПб., [1863]. С. 66.

²⁷ Ламанский В. И. Введение в славяноведение. [СПб., 1891.] С. 55.

²⁸ Ламанский В. И. Национальности итальянская и славянская в политическом и литературном отношении. С. 15–16.

литературной автономии всех славянских наречий и племен. *Только прекращение этой автономии у славян признанием игемонии одного из наречий славянских может положить конец их нынешнему служебному положению и духовному рабству*²⁹. Некоторый радикализм Ламанского в оценке причин плачевного положения славян в Европе объясним не столько историческим анализом их прошлого, сколько заботой о будущем этих народов. А в будущем без принятия общего письменного языка отставание славян от германских и романских народов будет только усиливаться. «Русское сердце может желать им успеха, — писал Ламанский, — верить в их надежды. Русский ум не может ожидать великой будущности для восьми маленьких славянских словесностей, которым в век железных дорог, телеграфов и непрерывно возрастающей специализации наук, почти все приходится начинать сызнова»³⁰.

Выход из того исторического прозябания, в котором оказались южные и западные славяне, Ламанскому виделся один — признание русского языка в качестве письменного языка для всех славян. «По размышлении зрелом, — надеялся историк, — славяне убедятся, что без известной игемонии не обходится ни один великий народ, ни одно историческое племя, что на деле, de facto, предводительство в мире славянском уже давно принадлежит России, что принять русский язык за общелитературный и дипломатический орган чехам, сербам, болгарам точно также мало унижительно, как было ломбардцам, пьемонцам, сицилийцам и неаполитанцам признать тосканский общетальянским языком»³¹. Успех этого дела будет тем значительнее, чем более сами славяне будут стремиться изучать русский язык и чем больших успехов достигнет русская литература и наука, знакомство с достижениями которых будет необходимо для всякого образованного человека. «Постоянно с некоторых пор усиливающееся распространение русского языка у славян южных и западных и высшее самостоятельное развитие русской литературы, — оптимистично замечал Ламанский в 1865 году, — должно наконец привести славян к общему литературному и дипломатическому языку, имеющему положить предел распространению германизма в Австрии и вообще у западных славян»³².

Распространять русский язык в славянских землях следует с большой долей корректности, чтобы не задеть политическое самолюбие южно- и западнославянской интеллигенции. Этот процесс должен носить характер чисто культурного влияния. «Итак, — писал Ламанский вскоре после возвращения из своей первой поездки по славянским землям, — мысль об общелитературном языке для всех славян и об избрании для сего — языка русского, не только не исчезла в славянском сознании, но напротив сделала в последние годы значительные успехи. Для окончательного торжества ее нужно рассеять различные недоумения, очистить, освободить ее от всяких туманных представлений или политических мечтаний о федеративных союзах и *анексациях*»³³. Однако политическая составляющая этого процесса, несомненно, присутствует. Но политическую выгоду распространение русского языка, уверен Ламанский, принесет прежде всего южным и западным славянам. Не только политическая независимость и культурная самобытность, но и само историческое существование славян во многом зависят от принятия ими русского языка. «Прежние безусловные приверженцы самостоятельности не только в отношении к политике, но даже и к языку, — с надеждой конста-

²⁹ Там же. С. 17.

³⁰ Ламанский В. И. Столетняя память Михаилу Васильевичу Ломоносову. С. 34.

³¹ Там же. С. 34—35.

³² Ламанский В. И. Речь при вступлении в звание председательствующего в отделении этнографии — в заседании 29-го января 1865 г. // Известия Императорского Русского географического общества. 1865. Т. I. Отд. I. С. 155.

³³ Ламанский В. И. Столетняя память Михаилу Васильевичу Ломоносову. С. 29.

тировал Ламанский, — мало по малу приходят наконец к сознанию слабости отдельных взятых славянских народностей и решительной для них невозможности уберечь и обеспечить свою народную самобытность от посягательств и захватов сильных иноплеменников, без некоторого сближения и известных союзов или договоров с Россией, без принятия русского языка за общеславянский дипломатический язык»³⁴.

Тем не менее он отдавал себе отчет в некоторой доле утопичности своих ожиданий, сознавая, что принятие славянами русского языка в качестве языка литературного — дело будущего. Пока же слишком много препятствий мешают этому. И главное из них — неготовность славян принять русский язык и культурная слабость России, отягощенной политическим нестроением, прежде всего отсутствием гарантированно законом свободы слова и совести, а также известная денационализация самой русской интеллигенции — носительницы национального сознания. Ламанский с горечью писал об этом: «Слабость нынешней интеллигенции славянской, действующей, по большей части, вопреки стремлениям своих народов, к разобщению и отделению славян от России, бедность русской литературы, различные, более или менее важные недостатки нашей гражданственности, несознание Россией своего славянского призвания — все эти обстоятельства, вместе взятые, тесно между собою связанные и взаимно объясняемые, составляют главнейшее препятствие общему разливу славянских волн, освобождению славянского мира от его оков и поднятию духа славянского на высшую степень напряженной, творческой деятельности великих, всемирно-исторических народов, достигающих самосознания и раскрывающих в это время самые сокровенные глубины духа. Такой момент, если только наступит для славян, непременно совпадет с образованием общего всем литературного органа или, что то же — с принятием русского языка за общий письменный язык всех племен славянских»³⁵.

В таких условиях, когда распространение русского языка в славянских землях остается преимущественно делом желаемого будущего, а не прагматичного настоящего, Ламанский как ученый взял на себя задачу исторического и теоретического обоснования необходимости разработки единого литературного языка для славян. Этому, в частности, он посвятил в 1869 году цикл статей «Непорешенный вопрос». «В то же время, — отмечал он в связи с этим, — точные, строгие изыскания этого заброшенного и не решенного вопроса, пролили бы неожиданный, яркий свет и на историю русского литературного языка, а на всю историю славянства, раскрыли бы внутреннюю связь целых эпох, происшествий и явлений его исторической жизни, дали бы нить к решению многих сложных вопросов и толчок новым плодотворным изысканиям. Наконец, правильное понимание и научное изложение этого вопроса может иметь великое образовательное значение»³⁶.

Ламанский неоднократно указывал на связь политического могущества, крепкой государственности с языковым доминированием. И то и другое, по его выражению, было признаком «центростремительной силы» в народе. «У всех народов то племя, которого наречие достигает игемонии, первенства и преобладания, всегда бывает по преимуществу хранителем и носителем силы центростремительной, начала единения и общения», — писал Ламанский³⁷. Неопределенность или, по крайней мере, отдаленность

³⁴ Ламанский В. И. Предисловие к сочинению Л. Штура «Славянство и мир будущего. Послание славянам с берегов Дуная» // Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете. 1867. Генварь — март. Книга первая. С. III.

³⁵ Ламанский В. И. Национальности итальянская и славянская в политическом и литературном отношениях. С. 77—78.

³⁶ Ламанский В. И. Непорешенный вопрос. Статья I. С. 134.

³⁷ Ламанский В. И. Национальности итальянская и славянская в политическом и литературном отношениях. С. 26.

перспективы принятия южными и западными славянами русского языка не устраняет уверенность Ламанского в том, что это произойдет, если только у славян хватит решимости заявить о себе как о народе историческом. Для успеха этого дела одних усилий России недостаточно, нужно встречное стремление со стороны славян. Ламанский пояснял это следующим образом: «Объединятся ли когда литературно все славяне, подобно древним грекам и латинам, племенам итальянским и немецким, — решит будущее. Мы знаем только, что объединить их и сделаться общеславянским языком может только язык русский. ...В всяком случае, принятию русского языка за общеславянский, письменный и дипломатический, язык должно предшествовать укрепление в славянах уважения и сочувствия к России, развитие в них желания и потребности узнать Россию и русскую литературу, а этому преимущественно может способствовать энергическое проявление в русском обществе славянского самосознания и смелый, решительный выступ России на всемирное поприще, в качестве единственной державы славянской, имеющей своим историческим призванием охрану и защиту славянства от захватов, натиска и гнета иноплеменников»³⁸. То, что Россия не следует своему историческому призванию, в той, по крайней мере, степени, какая необходима для успеха славянского дела, Ламанский не сомневается. Но России по силам выполнить эту роль. Исторические обстоятельства, в которые поставлена Россия, предоставляют ей возможность развивать самобытную культуру. Другие славянские народы такой возможности лишены, поэтому их историческое будущее зависит от того, решатся ли они примкнуть к России, в частности, отказавшись от своего национального эгоизма и самолюбия, принять русский язык. Альтернативой такой решимости выступает историческое небытие и культурное ничтожество. «Не все народы, — рассуждал Ламанский, — достигают зрелости и мужества, высшей образованности и необходимого ей органа, общелитературного, богато обработанного языка. Младенчество же и юность, время процветания эпоса были у всех народов. ...Эпический дух и язык непременно исчезают в народе с развитием в нем потребности к анализу, с появлением начатков науки и высшей гражданственности. И благо тому народу, который успеваеет приспособить свой язык и приладить свой быт к этим новым высшим потребностям, то есть образовать обще-литературный язык и сложиться в более или менее плотное государственное тело. ...За исключением же русского народа, ни одно из племен славянских не в силах теперь создать собственными средствами и на собственном наречии такой богатой литературы, которая бы отвечала всем условиям современной науки и образованности и, следовательно, освободила бы их от зависимости и подчиненности чужим, сильнейшим племенам, имеющим государства и общий литературный язык»³⁹.

В любом случае перед немногочисленными народами, лишенными своей государственности, остается один путь — подчинение более сильным и плодотворным культуре и языку. Только принятие русского язык позволит другим славянским народам, сохраняя и развивая свою национальную культуру, приобщаться к достижениям мировой культуры и знакомить другие народы с результатами собственного культурного творчества. В противном случае приобщение к плодам мировой культуры будет идти помимо национальной культуры, что в перспективе означает полную ассимиляцию. Борьба за национальный язык у таких народов уже сейчас ведется в невыгодных условиях. Представители этих народов вынуждены усваивать язык государствообразующей нации. «Такие народы, — уточнял Ламанский, — одним своим наречием довольствоваться не могут, а по причинам культурным и государственным должны в совершенстве вла-

³⁸ Ламанский В. И. Чтения о славянской истории. С. 150.

³⁹ Ламанский В. И. Национальности итальянская и славянская в политическом и литературном отношениях. С. 48.

деть еще другим чужим языком. Этот второй их национальный и отечественный язык (в противоположность их домашнему, семейному и родному) есть их язык государственный и язык высшей образованности. Благодаря усвоению себе этого второго языка, малые народы, неспособные к созданию самостоятельного государства и самообитной образованности, становятся равноправными гражданами великих государств и деятельными вкладчиками всемирно-исторических литератур и культур»⁴⁰. Политическая и культурная зависимость славян от других народов, безусловно, не лучшим образом сказывается на развитии их языков. Они вынуждены говорить на неславянских языках. «Все нерусские славяне без исключения, — писал Ламанский, — если сколько-нибудь примыкают к так называемой интеллигенции, принуждены быть, как говорилось у римлян, *bilingues* или *trilingues*. Не владея совершенно свободно, устно и письменно, одним или двумя иностранными языками, эти славяне не могут ни достичь сколько-нибудь высшего образования, ни употребить своих способностей на каком-нибудь поприще»⁴¹. Только русские могут позволить себе по собственному произволению изучать тот или иной иностранный язык, причем исключительно для образовательных и культурных целей. «Только для славянина русского его родной, славянский язык есть вместе и язык культурный и язык государственный», — заключал Ламанский⁴². Такая лингвистическая роскошь дорогого стоит.

Из иностранных языков первостепенное значение для славян имеет язык греческий как язык культурный, связывающий славян с наследием античности. Еще в магистерской диссертации Ламанский предлагал ввести преподавание древнегреческого языка в средних учебных заведениях, а в высших — изучать новогреческий язык и греческую историю с IV века.

Греческий язык указывает на общую для большинства славян культурную традицию, связывает их общим историческим прошлым. Но греческий язык — это действительно прошлое. В качестве культурного достояния он необходим славянам для осознания и воспроизведения традиции. Но будущее в славянском мире принадлежит не греческому языку, а русскому.

Русский язык самой историей предназначен стать общим языком славянства. В русском народе полнее всего проявились центростремительные силы; он создал сильное государство, которое, по мысли Ламанского, служит лучшим гарантом успешного распространения русского языка. «Таким образом, — рассуждал он, — раскрываются два явления, обратно противоположные. Они совершаются не только в наречиях и письменности, но и в жизни политической. С одной стороны, история сплавливает, объединяет, централизует, с другой, раскалывает, дробит, разъединяет... При самом почти начале исторической жизни славянства из совокупных усилий лучших его людей возникает письменный язык, готовый стать общим достоянием различных его племен, все-славянским литературным и дипломатическим органом. Но одни славянские ветви гибнут, никогда не узнавши и не успевши принять христианства на родном языке. Другие мало по малу его утрачивают, бросают и забывают, принимаются за литературную обработку своих местных, народных наречий, сознательно предпочитая идее общего, началу единства диалектическое [диалектное. — А. М.] разнообразие и племенную автономию, или невольно, бессознательно следуя движению центробежному. Наконец третьи, самые многочисленные племена славянские, между Белым и Черным морями, между Балтикою и отрогами Карпат предпочитают идею общего и начало единства, следуют в своем развитии движению центростремительному. Вследствие особых

⁴⁰ Ламанский В. И. Евреи и немцы в Привислянском крае // Русский вестник. 1879. Март. С. 377.

⁴¹ Ламанский В. И. Три мира Азийско-Европейского материка. С. 66—67.

⁴² Там же. С. 68.

исторических обстоятельств и географического положения, благоприятного государственному и этнографическому единству, эти племена успели наконец сложиться в единый великий русский народ и представить единственное в истории славянское явление обширной, могущественной, крепкой, тысячелетней державы. В противоположность слабейшим, малочисленнейшим племенам задунайским, закарпатским и завислянским (ибо Висла была собственно настоящей границей русского и ляхского племени), эти сильнейшие восточные племена, настоящее ядро славянства или — что то же — народ русский, приняв в основу своего племенного языка древнецерковный, общеславянский язык, одни сохранили и сберегли эту основу по настоящее время. Действительно, по своим историческим преданиям, по своему внутреннему составу и содержанию, из всех племенных наречий славянских русский язык есть наименее местное, племенное наречие, всего менее *диалект*⁴³. Аналогия, а для Ламанского, скорее, гомогенность политических и языковых процессов, дает основание надеяться, что русский язык объединит всех славян в единое цивилизационное пространство, как в свое время русское государство политически объединило народы, населяющие Восточно-Европейскую равнину. Насколько буквально следует понимать тождество языковых и политических явлений, Ламанский не уточняет. По крайней мере, он признает их тесную взаимосвязь.

Принятие русского языка пойдет на пользу прежде всего южным и западным славянам. Только общий язык сможет преодолеть расколотость славянского мира, обуздать эгоистические интересы, ограничить взаимные притязания, заглушить старые обиды. «Народная раздробленность, — писал Ламанский, — местный партикуляризм, племенная вражда и зависть, господство различных иноплеменных стихий у наших единоверцев и соплеменников, — все это вызывает и требует распространения у них языка русского, как общего и дипломатического и культурного органа, с усвоением которого они только и могут выйти из положения каких-то метисов, креолов романо-германского Запада или ингредиентов чужих племен, получают возможность кристаллизироваться и выступить перед Западом, как самобытный исторический тип, вполне ему равноправный»⁴⁴. Несмотря на некоторую утопичность ожиданий, Ламанский верно подмечает, что только оперевшись на русский язык, славянство сможет проявить себя «как самобытный исторический тип»; что на славянофильском жаргоне означает самостоятельную культурную деятельность, плоды которой будут иметь всечеловеческое значение. Примечательно использование Ламанским выражения «культурный тип» в цикле статей «Непорешенный вопрос» в то же самое время, когда Н. Я. Данилевский приступил к журнальной публикации своей книги «Россия и Европа». Общий язык — средство культурного объединения славян и соединения их в единую национальность. «Будет у мелких славянских племен один общий язык славянский, — отмечал Ламанский, — тогда явится и славянская национальность, правда раздробленная политически, но единая в общей образованности, науке и высшей литературе»⁴⁵. Без общего языка, настаивает Ламанский, нет нации.

Однако формирование отдельных славянских национальностей — это не та цель, которую желает Ламанский. Малочисленность этих наций, их политическая несамостоятельность, даже при условии обретения государственной независимости, и культурная малопродуктивность для Ламанского очевидны. Политическая независимость — вполне достижимая цель. Ламанский же мечтает о том, чтобы славяне стали реальным, полноправным субъектом исторического процесса, а для этого необходимо, чтобы они «сложились в один всемирно-исторический народ». Вот его слова: «Славянские раз-

⁴³ Ламанский В. И. Непорешенный вопрос. Статья I. С. 142–143.

⁴⁴ Там же. С. 147.

⁴⁵ Там же. С. 147–148.

новидности могут — идут к тому, чтобы — сложиться в один всемирно-исторический вид, ибо кроме русского языка, ни одно из восьми наречий славянских с своими словесностями не может избавить эти восемь славянских народностей от жалкого, зависимого положения от иноплеменных влияний»⁴⁶. Политический вопрос с этой точки зрения имеет второстепенное значение. «Все же толки о славянских федерациях, — уточнял Ламанский, — без предварительного решения вопроса об общеславянском языке, принадлежат к величайшим бессмыслицам. От нас требуется много энергии, сильного напряжения духа, чтобы добровольное принятие нашего языка славянами за обще-славянский язык сделалось для них внутренней, нравственной необходимостью. Для этого нужно, чтобы русский язык стал носителем великих начал любви и свободы, необходимым деятелем общечеловеческого просвещения»⁴⁷. Ученый подчеркивает, что не русскому языку нужны южные и западные славянские народности, а, напротив, эти народы нуждаются в русском языке, поскольку он имеет общечеловеческое, цивилизационное значение. Создается впечатление, что парадоксальность такого положения Ламанским до конца не осознавалась. Славяне могут стать историческими народами только при условии выработки самобытной культуры, что невозможно без опоры на русский язык как носитель общечеловеческих начал. Только приняв русский язык, славяне могут проявить себя как историческое племя, но для этого нужно, чтобы сам русский язык и, соответственно, его носитель — русский народ достигли уровня цивилизационной зрелости. Принятие или непринятие русского языка — это вопрос не о политическом влиянии России, а о цивилизационных приоритетах славянских народов и об их культурной состоятельности. То, что было достигнуто славянами в области культуры, достойно уважения и сохранения, но их дальнейшая успешная творческая деятельность без ориентации на русский язык невозможна. Вопрос не в том, стоит или нет принимать русский язык, а в том, способно ли славянство на дальнейшее творческое развитие и сможет ли оно сохраниться как национально-культурное целое. Альтернативой принятию русского языка будет ассимиляция, денационализация, а затем и историческое небытие. Осознать это должны сами славяне и добровольно признать русский язык общеславянским дипломатическим, научным и литературным языком. «Для принятия славянами русского языка дипломатическим языком и общим органом высшей образованности, прежде всего потребно их добровольное согласие, ибо о насильственном распространении не может быть и речи»⁴⁸.

Правда, одного желания славян принять русский язык мало; должно быть встречное движение со стороны русского общества. А в нем, с горечью констатирует Ламанский, славянское самосознание развито чрезвычайно слабо. Русская идея — славянская идея. Она проявилась в государственном строительном таланте русского народа, она приняла в себя имперскую идею из Византии не для политического самодовольства, не для упивания своей государственной мощью, а для того, чтобы поддержать другие славянские народы. Русское государство не самоцель, а опора для других славян в их борьбе за свою политическую независимость, в их историческом и культурном развитии. У Ламанского не было иллюзий относительно того, насколько современная ему Россия соответствовала своему историческому предназначению.

Цель исторического существования любого народа — развитие самобытной культуры. Из всех славянских племен только русский народ, полагал Ламанский, в настоящее время способен к такому развитию. Остальные славянские народы вынуждены

⁴⁶ Ламанский В. И. Национальности итальянская и славянская в политическом и литературном отношениях. С. 91.

⁴⁷ Там же. С. 92.

⁴⁸ Там же. С. 91.

ориентироваться на более продуктивные в культурном отношении и более крупные народы. Но только при поддержке русского народа славяне смогут поднять свою национальную культуру. Для таких совместных усилий необходим общий орган культурной деятельности, а им может быть только русский язык. «Что славянский мир, — с надежной писал Ламанский, — может выйти из своего нынешнего жалкого, служебного и рабского положения не иначе как самостоятельным развитием оригинальной славянской образованности, что никакого сильного, мощного развития не могут достичь ни в искусстве, ни тем более в науках, 9 маленьких литератур, обрабатываемых народами, которые в совокупности не составляют и полных тридцать миллионов — в этом не может быть ни малейшего сомнения, точно так же, как и в том, что русский язык и литература в своем дальнейшем развитии должны достичь колоссальных размеров. В виду этих двух фактов — малочисленности, внешней и внутренней слабости 9 славянских народностей вне России, и многочисленности, внешней и внутренней силы нашего народа, мы, русские, не можем не верить в будущность русского языка, как общего литературного языка для всех славян. Чем более мы будем узнавать славян, тем яснее будет представляться нам необходимость и неизбежность такого исхода. Вместо всяких грез и мечтаний, на славянский манер, о значении и последствиях такого явления, которое во всяком случае лежит в довольно далеком будущем, мы, русские, обязаны усердно изучать все народности славянские в их прошедшем и настоящем, знакомиться со всеми господствующими у них направлениями и заботиться о распространении русского языка вне пределов России, об устройстве правильных книжных сношений с разными землями славянскими»⁴⁹. Поддержка и развитие славяноведения в России, таким образом, воспринимались Ламанским в качестве необходимого шага к сближению славянских народов, а на перспективу — распространение среди славян русского языка и, безусловно, исполнение Россией своего исторического призвания. «Вообще, — замечал историк, — объединение племен, не только политическое, но и литературное, всегда происходит очень медленно»⁵⁰. Упоминая об этом, Ламанский приводил примеры из истории Древней Греции, Италии, современной Франции.

Говоря об отдаленной перспективе принятия славянами русского языка, Ламанский тем не менее имел в виду вполне конкретные сроки. Сознывая себя не только ученым, но и политическим мыслителем и даже имея склонность к политической деятельности, правда не востребованной, Ламанский предлагал не утопический проект, а исходил из политических и культурных реалий своего времени. Он полагал, что отношение к русскому языку в славянских землях может измениться в продолжение жизни одного поколения, то есть в течении 25—30 лет. «Привязанность различных племен славянских к своим родным наречиям и местным писателям, — отмечал Ламанский, — заслуживает всякого почтения и уважения. Но ее разумные основания и деятельность не потерпят никакого ущерба с признанием игемонии русского языка. ...С увеличением железных дорог, с расширением торговых и литературных связей русских со славянами, с успехами русской гражданственности и литературы, можно смело надеяться, что к концу нашего столетия, каждый образованный южный или западный славянин будет вменять себе в обязанность точное знание русского языка»⁵¹. Почему этого не произошло? В чем ошибся Ламанский, давая свой прогноз? Неоднократно бывая в славянских землях, он достаточно трезво оценивал складывающуюся там ситуацию. Это хорошо

⁴⁹ Ламанский В. И. Из записок о славянских землях. Сербия и южнославянские провинции Австрии. С. 689—690.

⁵⁰ Ламанский В. И. Национальности итальянская и славянская в политическом и литературном отношениях. С. 20—21.

⁵¹ Там же. С. 21.

видно даже не столько из его статей, сколько из его писем. Русский язык может стать общеславянским дипломатическим и литературным языком только при условии взаимного стремления к этому русских и других славянских народов. Но такого встречного движения не было. Русская внешняя и внутренняя политика не была проникнута целями сближения славян, славянское самосознание не получило широкого распространения в русском обществе. Идею славянской взаимности пропагандировали отдельные энтузиасты, типа самого Ламанского. Русское правительство так и не смогло оценить геополитическую силу русского языка. И надо заметить, что в понимании этого Ламанский не только превосходил современных ему политиков, но и во многом опережал свое время, полагая, что на смену военно-политическому противостоянию приходит борьба цивилизационных начал.

Из других причин, препятствующих принятию славянами русского языка, Ламанский называл скудость самой русской литературы. Еще в своей магистерской диссертации он писал: «Едва ли теперь не время нам убедиться и сознаться, что слабое поныне распространение русского языка вне пределов России, имеет главнейшею своею причиною не недоброжелательство к нам европейцев, а ничтожное в нас, русских, развитие производительности и самостоятельности. Говоря вообще, не потому русских сочинений не читают и не переводят на западе, что не хотят: а и хотели бы иногда, да нечего!»⁵² Конечно, долгий жизненный путь ученого способствовал тому, что он пересмотрел свое отношение к русской литературе. Однако главное убеждение Ламанского сохранилось на всю жизнь. Он был убежден, что наука, литература, искусство могут развиваться только на национальной почве. Народность — основа творческих достижений культуры каждого народа. Кроме того, результаты культурного творчества зависят, если можно так выразиться, от национально-государственного масштаба субъекта такого творчества. От малочисленного народа, не имеющего своего государства, едва ли стоит ожидать больших культурных достижений. Не без некоторой доли иронии Ламанский замечал: «Явление известных великих дарований в той или другой стране во все не так случайно, как то может казаться взгляду поверхностному. Для них всегда нужна известная подготовка — богатая народная почва, хорошее историческое возделывание. Странно бы было, например, ожидать когда-либо от Лифляндии не только Шекспиров, но и Пушкиных, Мицкевичей, Гоголей, Аристофана от острова Эзеля или Сервантеса от Курляндии»⁵³.

Уходит в прошлое время, когда всемирно-историческую роль играли отдельные народы и образованные ими государства. Настало время, когда всемирно-историческое значение приобретают языки, а отсюда и культурно объединяемые ими народы. Из современных европейских языков три романских языка (французский, итальянский и испанский) и два языка германских (английский и немецкий) занимают господствующее положение и «достигли более или менее значения всемирно-исторического»⁵⁴. Языки немногочисленных славянских народов в силу политических и культурных обстоятельств оказались в сложном положении. Старые народы греко-славянского мира, такие, как греки, армяне, грузины, имеющие богатую культурную традицию, ныне не только малочисленны, но и слабы политически и культурно. Поэтому Ламанский настаивал: «В нашем мире ни один из современных языков, кроме русского, не может иметь притязания на значение всемирно-историческое, на сколько-нибудь большое распространение вне пределов своих тесных родин. Для всех этих славянских народ-

⁵² Ламанский В. И. Исторические замечания к сочинению «О славянах в Малой Азии, в Африке и в Испании». 114.

⁵³ Там же. С. 114–115.

⁵⁴ Ламанский В. И. Об историческом изучении греко-славянского мира в Европе. СПб., 1871. С. 48.

ностей и многочисленных инородцев, орудием обоюдного понимания и взаимной связи, общим дипломатическим органом и даже языком высшей образованности может быть только язык русский»⁵⁵. В настоящее время лишь русский язык может взять на себя цивилизационную роль объединения и общения народов греко-славянского мира, а следовательно, и приобрести всемирно-историческое значение.

Языковое сближение славян, конечно, представляет собой разновидность идеологии панславизма и, соответственно, является достоянием романтической эпохи. Различные варианты панславизма, в частности, теория австрийского панславизма, иллирийская теория Гая, Штросермайера и Рачкого, чешская теория панславизма Палацко-го, Гавличка и Ригра, в той или иной степени предполагали оживление и возрождение национальных славянских языков. Но все это было не более как романтическое увлечение народностью, ее этнографическим бытом, историей, словесностью. Это, безусловно, принесло известные плоды в отдельных славянских литературах. Задача же распространения русского языка — задача другого порядка. Ее решение стало возможным именно с подъемом национальных литератур. Распространение русского языка в славянском мире имеет значение не литературное, а цивилизационное. «Настоящее распространение русского языка у южных и западных славян, — отмечал Ламанский в своей первой лекции в университете, — стало возможно только после пробуждения их народностей и, следовательно, после образования или возрождения всех славянских наречий и словесностей. Его утверждение, как языка дипломатического и органа высшей образованности у всех племен славянских, не только не угрожает дальнейшему развитию их особых наречий, но даже обеспечивает их будущее, ибо есть единственное средство, которым эти племена могут освободиться от преобладания и господства у них языков иноплеменных»⁵⁶.

Если же русский язык займет подобающее ему место в греко-славянском мире, а русская наука и литература получат всеобщее признание, то изучение русского языка станет потребностью не одних только славян и народов, населяющих средний мир, но всякого образованного и культурного человека. «Со временем, — писал Ламанский в работе о М. В. Ломоносове, — знание русского языка станет обязательным для каждого европейца, как теперь знание французского, английского и немецкого языков. Русская академия наук, как и все ученые учреждения в России, должна быть одушевлена этим благородным и высоким стремлением русского общества и народа к мирному и свободному (не насильственному) распространению русского языка вне пределов России»⁵⁷. Говоря об этом, Ламанский недвусмысленно намекал, что это может произойти только после русификации самой Академии наук в Петербурге.

Без принятия русского языка и, как следствие, без политической и культурной ориентации славян на русское государство и русский народ все малочисленные славянские народы обречены на политическое ничтожество и культурное прозябание. Еще в 60-е годы XIX века Ламанскому казалось, что такая ориентация заметна в славянских землях. Об этом он, в частности, писал в предисловии к работе словацкого панслависта Л. Штура «Славянство и мир будущего». Здесь же Ламанский указывал и на возможное направление распространения русского языка: «Если русскому языку действительно суждено быть общеславянским дипломатическим языком, то его распространение у славян произойдет преимущественно через Угорскую Русь и словаков»⁵⁸. Еще вскоре

⁵⁵ Там же. С. 49.

⁵⁶ Ламанский В. И. Вступительное чтение доцента Петербургского университета В. И. Ламанского. М., 1865. С. 27, прим.

⁵⁷ Ламанский В. И. Столетняя память Михаилу Васильевичу Ломоносову. С. 8—9.

⁵⁸ Ламанский В. И. Предисловие к сочинению Л. Штура «Славянство и мир будущего. Послание славянам с берегов Дуная». С. VI.

после возвращения из своей первой командировки в славянские земли Ламанский, не будучи уверен в том, что сможет получить место преподавателя в университете, всерьез задумывался о переезде в Угорщину, где надеялся найти возможность для практической реализации своих представлений. Практическая деятельность необязательно означает участие в политической жизни. «Но одна политика в жизни народов, — замечал Ламанский в книге „Три мира Азийско-Европейского материка“, — далеко не первой важности дело. Ее значение в истории скорее второстепенное или третьестепенное»⁵⁹. Более существенно распространение русского языка и литературы, знакомство других народов с православием. «Распространение русского языка и русской литературы за границей есть конечно один из высших интересов русского народа», — констатировал мыслитель⁶⁰.

Конечно, совершенно отстраниться от политики в этом деле невозможно. Нужно лишь, чтобы политические цели не расходились с потребностями русского народа, чтобы интересы политики совпадали с интересами народа. Правда, политическими средствами следует поддерживать и укреплять русский язык внутри страны, а не на внешнеполитическом поприще, где это начинание при топорности русской дипломатии примет форму большего или меньшего насилия. «Свобода мысли и устного и печатного слова, распространение грамотности в народе и знания русского языка у инородцев, утверждение его государственного значения во всех окраинах России, — писал Ламанский в статье „Непорешенный вопрос“, — все это принадлежит к важнейшим задачам русской внутренней политики и вместе составляет различные стороны одного и того же вопроса о важнейших правах и задачах русского языка»⁶¹. Примечательно, что мысль о развитии русского языка сопровождается у Ламанского обязательным славянофильским требованием свободы слова.

Итак, для Ламанского вполне выясненным является вопрос о преимущественном праве именно русского языка быть общекультурным и дипломатическим органом славянских народностей. «В нашем мире, — писал он, — нет национальности и образованности, нет языка, которые бы могли оспаривать первенство у русской национальности и образованности, у русского языка»⁶². Посредством распространения русского языка, интеллектуально и культурно сближающего славян, осуществляется и историческое предназначение русского народа. Иными словами, в расколотый и раздробленный славянский мир русский народ вносит начало единства. Центростремительная сила, воплощенная в русском народе посредством русского языка и литературы, должна преодолеть вековое политическое дробление на западе и юге славянского мира. «В этом отношении, — замечал Ламанский, — есть параллель между развитием литературным и развитием историко-политическим, т. е. как литературное развитие привело к тому, что на Западе индивидуализировались небольшие славянские словесности, т. е. что их язык ограничился небольшою площадью, так и историко-политическое развитие привело к образованию маленьких и слабых государственных территорий. Таким образом, в продолжение слишком тысячелетия раскрываются два явления, обратно противоположные. Они совершаются не только в наречиях и письменности, но и в жизни политической. С одной стороны, история сплавливает, объединяет, централизует (громадное Русское государство), с другой, — раскалывает, разъединяет (западные и южные славянские государства)»⁶³.

⁵⁹ Ламанский В. И. Три мира Азийско-Европейского материка. С. 98.

⁶⁰ Ламанский В. И. Русский язык вместо немецкого, славянское богослужение вместо латинского // Известия С.-Петербургского славянского благотворительного общества. 1887. № 10. С. 482.

⁶¹ Ламанский В. И. Непорешенный вопрос. Статья I. С. 161.

⁶² Ламанский В. И. Лекции по славянским наречиям. С. 58—59.

⁶³ Там же. С. 60—61.

Объединяя народы и территории, язык не только выполняет коммуникативную и культурную функции, но и становится политической, а точнее, геополитической силой. Ламанский даже готов объяснять геополитическую роль языка действием исторического закона. По его словам: «Существует выработанный историей помощью наблюдений закон, что чем отдаленнее друг от друга, чем разнообразнее и различнее земли и народности, между которыми ощущается потребность в усвоении известного чужого языка, тем этот язык приобретает значение всеобщего и мирового языка. Этот мировой характер языка зависит не от того, что, например, каждый испанец лучше француза и англичанина, или каждый русский лучше словинца, чеха или немца. Нет. Это вырабатывается силами независимыми от личной воли человека, именно: географическими условиями, площадью страны, количеством душ, чувствующих потребность в усвоении известного языка, и тем, сколько пустого еще пространства находится в обладании известного народа, т. е. сколько условий для развития языка»⁶⁴. В другом своем лекционном курсе он уточнял: «Распространение русского языка есть распространение русской мысли, русского влияния»⁶⁵.

В начале своей научно-педагогической деятельности залог успешного геополитического влияния русского языка Ламанский видел в тех внутренних преобразованиях, которые начались в России в первые годы царствования Александра II. Распространение русского языка за пределами России должно быть следствием эффективных внутренних преобразований. В этом, безусловно, проявляется теснейшая связь политических мероприятий с культуртрегерскими достижениями русского языка. «В самой России, — с надеждой провозглашал Ламанский, — знамения новой, наступающей исторической эпохи выражаются еще очевиднее. Освобождение с землею 20 слишком миллионов крестьян, различные внутренние преобразования, открывающие простор народной, земской деятельности, убедительно нам предсказывают, что русская литература, наука, искусство, вообще русское просвещение не замедлит вступить в новый, высший и разумеется уже вполне самобытный период развития. Русская литература не только станет чисто национальной, славянской, но и приобретет всемирно-историческое значение. Русский язык начнет распространяться вне пределов Русского государства, подобно древним языкам эллинскому и римскому, и новейшим немецкому, французскому и английскому. По всей вероятности он сделается дипломатическим языком и органом высшей образованности у всех славянских племен. Только русский язык может вытеснить нынешнее господство немецкого и других иноплеменных языков в южных и западных землях славянских»⁶⁶. Уже в этой первой лекции хорошо заметен акцент на русском, а не славянском, что заставляет усомниться в однозначной характеристике Ламанского как панслависта. Ламанский как раз противопоставлял свою концепцию панславистским учениям Гая, Палацкого и др. Он говорит лишь о славянском общении и взаимности, основой которых может быть только русский язык.

Принятие единого славянского языка способно кардинальным образом изменить политическое состояние неромано-германских народов Центральной и Восточной Европы. Ламанский подчеркивает принципиальное значение единого языка для превращения греко-славянского мира в цивилизационную общность. Среди всех распространенных в греко-славянском мире языков лишь русский язык имеет больше шансов и прав стать общим литературным и дипломатическим языком. Это право подкрепляется не только политическим могуществом русского государства, но и тем, что русский язык сохранил больше общеславянских форм, чем другие языки. Рассуждая о гео-

⁶⁴ Там же. С. 62.

⁶⁵ Ламанский В. И. Чтения о славянской истории. С. 152.

⁶⁶ Ламанский В. И. Вступительное чтение. С. 7—8.

политических перспективах единого славянского языка, Ламанский писал: «Природные богатства невозделанных и малонаселенных южных земель Греко-Славянских не утратили своей прелести для Романо-Германского запада... Теперь останавливает Европу небывалое прежде явление могущественной державы Греко-Славянской. Романо-германцев не пугает мысль о завоевании Россией этих земель: это только ослабило бы ее. Их смущает и страшит уверенность, что с легким принятием русского языка за язык дипломатический и общелитературный эти рассыпающиеся, не сплоченные обломки получат возможность кристаллизироваться и из ингредиентов чужих племен станут наконец живую, органическую частью нового исторического мира с его особливим призванием. Такая уверенность Европы, принося великую честь ее прозорливости, предлагает замечательное объективное доказательство действительной возможности, внутренней необходимости и громадной важности искусственного, смешанного письменного и культурного общеславянского языка»⁶⁷. Языковое единство греко-славянского мира, служащее основой дальнейшего сближения населяющих его народов, предпочтительнее чисто политического объединения, связывающего греко-славянский мир в единое государственное целое. Политически объединить средний мир способен только русский народ — единственный имеющий свою государственность. Языковое же сближение может предполагать различные варианты.

В то же время, считал Ламанский, принятие русского языка другими народами греко-славянского мира откроет новую эпоху в развитии самого русского языка, обогатит русское искусство и литературу. По словам Ламанского: «С обличением славянского призвания России, великого будущего, ожидающего наше слово, и его далекого не чаемого самим Пушкиным распространения, русское искусство обретет себе давно искомые положительные идеалы и смело вступит на широкий, царский путь всемирно-исторического развития»⁶⁸. Но даже и теперь, еще не став общим литературным и дипломатическим языком, русский язык может отстаивать свой всемирно-исторический статус. В докторской диссертации Ламанский отмечал, что «в настоящее время при всей великой скудости населения Русской империи, при слабом развитии русской гражданственности, науки и литературы, наш язык все-таки вместе с англосаксонским есть один из самых распространенных языков земного шара и не менее англосаксонского может хвалиться богатым будущим»⁶⁹.

Претензии русского языка на всемирно-историческое значение подкрепляются всем ходом культурно-исторического развития среднего мира. В этом отношении русский язык выступает наследником греческого языка и общеславянского письменного языка, созданного свв. Кириллом и Мефодием. В греко-славянском мире у него нет конкурентов. Иная ситуация сложилась в Европе, где французский, испанский, итальянский, немецкий и английский языки ведут между собой борьбу. Однако исход этой борьбы, полагал Ламанский, предрешен. В будущем значение немецкого и французского языков сохранится лишь в Европе, в то время как значение испанского языка, а особенно английского, благодаря обширным колониям будет постоянно возрастать. За этими языками — историческое будущее. Возможно, делал предположение русский ученый, со временем даже южноамериканские колонии испанцев перейдут под власть англосаксов⁷⁰. Лидерство английского языка в Америке постепенно приведет к тому, что в Новый Свет переместится центр западного мира. Старая культура европейских народов уступит первенство Америке. «Между тем англосаксонская речь и националь-

⁶⁷ Ламанский В. И. Непорешенный вопрос. Статья I. С. 132.

⁶⁸ Ламанский В. И. Чтения о славянской истории. С. 122.

⁶⁹ Ламанский В. И. Об историческом изучении Греко-Славянского мира в Европе. С. 38.

⁷⁰ Ламанский В. И. Три мира Азийско-Европейского материка. С. 34.

ность, — писал Ламанский, — располагая громадным пространством пустопорожних земель, может и будет неудержимо распространяться и множиться до размеров едва ныне предвидимых, постоянно обновляясь и освежаясь до бесконечного почти разнообразия самыми разноплеменными и разнокультурными элементами. Естественно поэтому предполагать, что в будущем английская литература и образованность... будет отличаться наибольшим разнообразием, свежестью и сочностью содержания, широтой и самобытностью воззрений, большею чуткостью к потребностям человечества, большею универсальностью идей и стремлений. Таким образом есть полная вероятность заключать, что Европа не может навеки, говоря относительно даже едва ли надолго, сохранить свое первостепенное значение в мировой политике и образованности. Вследствие неудержимого размножения англосаксов в Новом Свете, от естественного прироста и от переселений из Европы, все прочие романские и германские национальности и языки Старого Света принуждены будут ранее или позже снизойти до речи второстепенных деятелей в мире романо-германском»⁷¹.

Мировое господство английского языка не является следствием его исключительных потенций или богатства англоязычной литературы, с которой успешно конкурирует романоязычная литература. Преобладание английского языка обеспечено колониальной системой Британской империи. «Таким образом, — заключал Ламанский, — английский язык распространен на всем земном шаре, и можно сказать, что рано или поздно английский язык приобретет всемирное значение, и значение всех других языков в сравнении с ним станет ничтожным»⁷². Аналогичное всемирно-историческое значение должен приобрести и русский язык, став общим литературным и дипломатическим языком греко-славянского мира.

---

⁷¹ Там же. С. 37—38.

⁷² Ламанский В. И. Лекции по славянским наречиям. С. 25.